

Фрейд Зигмунд

Психологические этюды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
3-59

3-59 **Зигмунд Ф.**
Психологические этюды / Фрейд Зигмунд – М.: Книга по Требованию, 2026. –
58 с.

ISBN 978-5-521-28662-1

ISBN 978-5-521-28662-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Навязчивыя дѣйствія и религіозные обряды.

Я, конечно, не первый, кому бросается въ глаза сходство между такъ назыв. навязчивыми дѣйствіями нервныхъ больныхъ и обрядами, въ которыхъ вѣрующій проявляетъ свою религіозность. За это говоритъ названіе «церемоніи», которыми обозначаютъ извѣстныя навязчивыя дѣйствія. Но это сходство, по моему, не только внѣшнее; такъ что проникнувъ въ происхожденіе невротическихъ „церемоній“, можно было бы рискнуть, по аналогіи, сдѣлать заключеніе о душевныхъ процессахъ, связанныхъ съ религіозностью. Люди, которые страдаютъ навязчивыми дѣйствіями, или „церемоніями“, а также и тѣ, которые страдаютъ навязчивыми идеями, представленіями, импульсами и т. д., принадлежатъ къ особой клинической группѣ, которая обозначается именемъ „навязчиваго невроза“. Но не слѣдовало бы пытаться своеобразіе этого страданія выводить изъ его названія, такъ какъ, строго говоря, и другія патологическія душевныя явленія имѣютъ одинаковое право на такъ называемый „навязчивый характеръ“. Въмѣсто этихъ опредѣленій должно имѣть мѣсто еще детальное ознакомленіе съ самимъ состояніемъ, что до сихъ поръ не удавалось; должно показать, вѣроятно, глубоко лежащій критерій навязчиваго невроза, существованіе котораго чувствуется во всѣхъ проявленіяхъ послѣдняго.

Невротическая церемонія состоитъ въ маленькихъ обрядахъ, аксессуарахъ, ограниченіяхъ, порядкахъ, которые проявляются при извѣстныхъ дѣйствіяхъ въ повседневной жизни или въ постоянно одинаковомъ видѣ, или съ опредѣленными измѣненіями. Это поведение производитъ на насъ впечатлѣніе простыхъ „формальностей“ и кажется намъ лишеннымъ всякаго смысла. Точно такимъ же оно кажется самому больному; тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи отъ него отказаться, такъ какъ каждое отклоненіе отъ церемоніи наказуется невыносимымъ страхомъ, который вынуждаетъ возобновить оставленное. Такими же ничтожными кажутся побужденія и дѣйствія, которыя посредствомъ церемоній приукрашиваются, затрудняются и во всякомъ случаѣ замедляются, какъ напр., одѣвание и раздѣвание, укладываніе спать, удовлетвореніе физическихъ потребностей. Можно описать исполненіе церемоніи, изображая ее въ видѣ ряда неписанныхъ законовъ. Такъ, напр., при укладываніи въ постель: стулъ долженъ стоять въ такомъ то мѣстѣ передъ кроватью, на немъ должно быть сложено въ извѣстномъ порядкѣ платье; одѣяло должно быть въ ногахъ подоткнуто, простыня гладко разглажена; подушки должны быть такъ-то и такъ-то распределены, само тѣло должно быть въ строго опредѣленномъ положеніи, и тогда только можно заснуть. Въ такихъ случаяхъ церемонія похожа на утѣреніе привычной и законной любви къ порядку. Но особенная добросовѣстность выполнения и страхъ упущенія характеризуютъ церемонію какъ „священнодѣйствіе“. Помѣхи большею частью плохо переносятся; публичность, присутствіе постороннихъ при этомъ почти всегда исключается.

Навязчивыми дѣйствіями въ широкомъ смыслѣ могутъ сдѣлаться любыя дѣйствія, когда они приукраши-

ваются маленькими аксессуарами или дѣлаются ритмическими посредствомъ паузъ и повтореній. Найти рѣзкую границу между „церемоніей“ и навязчивыми дѣйствіями нельзя. Большею частью навязчивыя дѣйствія произошли отъ церемоній. Рядомъ съ этимъ содержаніемъ страданія являются запреты и препятствія (абуліи), которые собственно только продолжаютъ дѣло навязчивыхъ дѣйствій, — больному нѣкоторыя вещи вообще не разрѣшены, другія только при соблюденіи предписанныхъ церемоній.

Удивительно то, что какъ вынужденіе, такъ и запрещеніе (одно необходимо сдѣлать, другое не должно дѣлать) вначалѣ относится только къ частной жизни человѣка, не касаясь долгое время его общественнаго поведенія. Поэтому подобные больные могутъ многіе годы смотрѣть на такое страданіе, какъ на ихъ личное дѣло и скрывать его. Кромѣ того, такими формами навязчиваго невроза страдаетъ гораздо больше людей, чѣмъ это извѣстно врачамъ. Скрываніе многими больными облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что они въ состояніи одну часть дня прекрасно исполнять свои общественныя обязанности, посвятивъ въ уединеніи цѣлый рядъ часовъ своимъ таинственнымъ дѣйствіямъ.

Легко видѣть, въ чемъ состоитъ сходство невротической церемоніи съ священнодѣйствіемъ религіознаго ритуала: въ угрызеніяхъ совѣсти при неисполненіи, въ полной изоляціи (запрещеніе мѣшать) и въ добросовѣстномъ выполненіи мелочей. Но столь же очевидны и различія, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ рѣзки, что они дѣлаютъ сближеніе святотатствомъ: большее индивидуальное разнообразіе церемоній въ противоположность стереотипности религіознаго ритуала (молитвы, и т. п.) частный характеръ перваго, публичность и общественный характеръ второго. Но главная разница въ томъ, что маленькіе аксесуары религіозной

церемоніи предполагають символическій и разумный смысл, тогда какъ аксессуары церемоній невротическаго характера кажутся нелѣпными и бессмысленными. Неврозъ навязчивости даетъ здѣсь полукомическую, полутрагическую карикатуру частной религіи. Между тѣмъ, именно, эта существеннѣйшая разница между невротической и религіозной церемоніей устраняется, когда съ помощью психо-аналитической техники изслѣдованія проникаешь въ пониманіе сущности навязчивыхъ дѣйствій. При этомъ изслѣдованіи кажущаяся бессмысленность и нелѣпость навязчивыхъ дѣйствій совершенно разсѣивается и находишь обоснованіе этого поведенія.

Узнаешь, что навязчивыя дѣйствія всѣ безъ изъятія и во всѣхъ своихъ деталяхъ полны смысла, отвѣчаютъ важнѣйшимъ интересамъ личности и выражаютъ какъ постоянныя переживанія, такъ и сопровождаемыя аффектами мысли, относящіяся къ этимъ переживаніямъ. Они дѣлають это двояко: или непосредственно, или символически и поэтому ихъ можно объяснить или исторически, или символически.

Я не могу себѣ здѣсь отказать въ приведеніи нѣсколькихъ примѣровъ, которые должны пояснить этотъ взглядъ. Кто знакомъ съ выводами психо-аналитическаго изслѣдованія психоневрозовъ, того не удивить утвержденіе, что навязчивыя дѣйствія или продѣлываемыя церемоніи проистекають изъ интимнѣйшей, большей частью сексуальной, жизни даннаго лица!

а) Одна дѣвушка, которую я наблюдалъ, вынуждена была послѣ умыванія много разъ выполаскивать умывальный тазъ. Значеніе этой церемоніи скрывалось въ пословицѣ „не выливай грязной воды раньше, чѣмъ у тебя есть чистая“. Эта церемонія должна была напоминать и удерживать любимую сестру отъ

развода съ нелюбимымъ мужемъ до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ лучшаго человѣка.

б) Одна женщина, разошедшаяся съ мужемъ, за ѣдой вынуждена была оставлять нетронутыми лучшіе куски; напр., отъ жаркого она отрѣзала только края. Это воздержаніе нашло себѣ объясненіе во времени, съ которымъ связано начало этой странности: она появилась въ тотъ день, когда пациентка заявила мужу о прекращеніи между ними супружескихъ отношеній, т.-е. отказала ему въ лучшемъ.

в) Эта же пациентка могла сидѣть только на одномъ опредѣленномъ стулѣ, съ трудомъ поднимаясь съ него. Стулъ въ связи съ извѣстными подробностями ея супружеской жизни символизировалъ мужа, которому она остается вѣрна. Въ поясненіе своей навязчивости она сказала: «разстаешься съ такимъ трудомъ съ тѣмъ (мужъ, стулъ), на чемъ разъ сидѣла».

г) Одно время она имѣла привычку повторять одинъ особенно странный и бессмысленный навязчивый поступокъ. Въ такіе моменты она выбѣгала изъ своей комнаты въ другую, посреди которой стоялъ столъ, поправляла извѣстнымъ образомъ лежавшую на немъ скатерть, бранила прислугу, которая должна была подойти къ столу, и снова отпускала ее съ ничтожнымъ порученіемъ. Стараясь объяснить эту странность, она вдругъ вспомнила, что указанная скатерть имѣла въ одномъ мѣстѣ некрасивое пятно и что каждый разъ она такъ поправляла скатерть, чтобы пятно кидалось въ глаза прислугѣ. Все это было воспроизведеніемъ случая изъ ея супружеской жизни и послужило въ послѣдствіи матеріаломъ для трудно разрѣшимой загадки. Ея мужа постигла въ брачную ночь не обыкновенная неудача. Онъ оказался импотентнымъ и «въ теченіе ночи приходилъ къ ней въ комнату нѣсколько разъ», чтобы убѣдиться, не прошло ли это.

Утромъ онъ сказалъ, что ему стыдно передъ прислугой, которая будетъ убирать кровати. Онъ взялъ бутылочку съ красными чернилами и вылилъ на простыню, но такъ неудачно, что мѣсто не отвѣчало его намѣренію. Такимъ образомъ, своимъ «навязчивымъ дѣйствіемъ» она воспроизводила брачную ночь. «Столь и кровать» эмблемы супружеской жизни.

д) Навязчивая потребность записывать каждый номеръ банковаго билета раньше, чѣмъ выпустить его изъ своихъ рукъ, тоже объясняется исторически. Въ то время, когда эта же пациентка носилась съ мыслью разойтись съ своимъ мужемъ, если она встрѣтитъ болѣе достойнаго довѣрія человѣка, она на одномъ курортѣ допускала вѣжливое ухаживаніе одного господина, насчетъ серьезности намѣреній котораго она всетаки сомнѣвалась. Однажды, нуждаясь въ мелкихъ деньгахъ, она попросила этого господина размѣнять ей бумажку въ пять кронъ. Исполнивъ ея просьбу, онъ спряталъ полученные деньги, галантно замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда не разстанется съ этой бумажкой, такъ какъ она прошла черезъ ея руки. При дальнѣйшихъ встрѣчахъ она часто испытывала искушеніе просить его показать эту бумажку, чтобы убѣдиться, должна ли она придавать значеніе его увѣреніямъ. Однако, она этого не дѣлала, разумно разсудивъ, что нельзя отличить равноцѣнныя бумажки одну отъ другой. Сомнѣніе осталось, такимъ образомъ, неразрѣшеннымъ и оставило по себѣ вынужденіе записывать номеръ бумажки, посредствомъ чего можно одну бумажку отличить отъ другой, равноцѣнной.

Эти немногіе примѣры изъ обильнаго запаса, имѣющагося въ моемъ опытѣ, должны подтвердить высказанную мысль, что все въ навязчивыхъ дѣйствіяхъ имѣетъ смыслъ и можетъ быть объяснено. То же са-

мое относится и къ церемоніямъ, но здѣсь для доказательства вѣрности этого положенія потребуются болѣе обстоятельныя сообщенія. Я ни въ какомъ случаѣ не ошибаюсь насчетъ того, что мы при объясненіи навязчивыхъ дѣйствій на видъ какъ будто-бы удаляемся отъ круга идей, охватываемыхъ религіей.

Однимъ изъ условій болѣзни является то, что лицо, подверженное навязчивымъ дѣйствіямъ, не знаетъ ихъ значенія, по крайней мѣрѣ главнаго значенія. Только съ помощью психо-аналитической терапіи ему дѣлается понятнымъ смыслъ навязчивыхъ дѣйствій и этимъ самымъ и мотивы, побуждающіе къ нимъ. Это важное обстоятельство мы выражаемъ въ слѣдующихъ словахъ: навязчивыя дѣйствія служатъ для проявленія неосознанныхъ мотивовъ и представленій. Въ этомъ можно усмотрѣть новую разницу между навязчивыми дѣйствіями и проявленіемъ религіозности; но нужно помнить, что рядовой вѣрующій выполняетъ религіозные обряды обыкновенно, не справляясь съ ихъ значеніемъ, тогда какъ священникъ и ученый изслѣдователь могутъ, конечно, знать символическій смыслъ ритуала. Но мотивы, побуждающіе къ религіознымъ обрядамъ, неизвѣстны всѣмъ вѣрующимъ, или замѣщаются въ ихъ сознаніи другими выдвинутыми мотивами.

Анализъ навязчивыхъ дѣйствій далъ намъ почти возможность извѣстнымъ образомъ проникнуть въ ихъ причину и въ связь обуславливающихъ ихъ мотивовъ. Можно сказать, что больной, подверженный навязчивымъ дѣйствіямъ и запретамъ, ведетъ себя такъ, какъ будто онъ находится подъ властью сознанія вины, о которой онъ, конечно, не знаетъ; т.-е. безсознательнаго сознанія вины, какъ приходится здѣсь выразиться, несмотря на противорѣчіе въ этихъ словахъ. Это сознаніе вины коренится въ извѣстныхъ раннихъ ду-

шевныхъ переживаніяхъ, но находитъ постоянное освѣженіе въ искушеніи, возобновляющемся при каждомъ новомъ поводѣ, а съ другой стороны даетъ начало постоянно бдительной тревогѣ ожиданія (Erwartungsangst), ожиданія бѣды, которое, благодаря идеѣ возмездія, связано съ внутреннимъ ощущеніемъ искушенія. Въ самомъ началѣ развитія «невротической церемоніи» больному еще извѣстно, что онъ долженъ то или другое сдѣлать, иначе случится бѣда, и обыкновенно онъ сознаетъ, какого рода несчастіе его ожидаетъ. Но всегда очевидная связь между причиной, вызывающей тревогу ожиданія, и содержаніемъ, которымъ она грозитъ, эта связь отъ больного остается скрытой. Церемонія возникаетъ какъ оборона или застрахованіе, какъ защитная мѣра.

Чувству виновности больного, страдающаго навязчивымъ неврозомъ, соответствуютъ торжественныя увѣренія религіозныхъ людей, что въ душѣ они тяжелые грѣшники; значеніе оборонительной или защитной мѣры у религіозныхъ людей, повидимому, имѣютъ молитвы, призываніе Бога и т. п., съ которыми они приступаютъ ко всякому повседневному дѣлу, а иногда и къ необычному предпріятію.

Болѣе глубокое пониманіе механизма навязчиваго невроза можно получить, если обратить вниманіе на лежащій въ его основѣ первичный фактъ: это всегда подавленіе (вытѣсненіе) какого нибудь парціального инстинкта (компонента сексуальнаго), который входилъ въ составъ организациі даннаго лица; въ дѣтствѣ онъ временно проявился, а потомъ былъ подавленъ. Въ цѣляхъ этого инстинкта, при подавленіи его, возникаетъ особливая совѣстливость; но этотъ психическій замѣститель (Reactionsbildung) чувствуетъ себя неувѣренно, такъ какъ онъ находится подъ постоянной угрозой со стороны

подстерегающаго его въ безсознательномъ инстинкта. Вліяніе подавленнаго инстинкта ощущается какъ искушеніе; при самомъ процессѣ подавленія рождается страхъ, который овладѣваетъ въ видѣ тревоги ожиданія будущаго. Процессъ подавленія, ведущій къ навязчивому неврозу, можно назвать не совсѣмъ удавшимся, грозящимъ оказаться все болѣе неудачнымъ. А потому его можно приравнять къ неразрѣшенному конфликту; постоянно требуются все новыя психическія усилія, чтобы удержать въ равновѣсіи постоянный напоръ со стороны инстинкта. Такимъ образомъ, церемоніи и навязчивыя дѣйствія частью объясняются необходимостью обороны противъ искушенія, частью являются защитой отъ ожидаемой бѣды. Но вскорѣ эти защитительныя мѣры оказываются недостаточными въ борьбѣ съ искушеніемъ и тогда выступаютъ запреты, назначеніе которыхъ отдалить искушеніе. Запреты, какъ это видно, также замѣщаютъ собой навязчивыя дѣйствія, какъ фобіи—истерическій припадокъ. Въ другомъ случаѣ «церемоніи» являютъ собой совокупность условій, при которыхъ нѣкоторое еще не абсолютно запрещенное, разрѣшено. Совсѣмъ такъ, какъ церковная церемонія брака разрѣшаетъ набожному половое наслажденіе, вообще считающееся грѣховнымъ. Навязчивый неврозъ, какъ и всѣ подобныя страданія, характеризуется еще тѣмъ, что его проявленія (симптомы и среди нихъ навязчивыя дѣйствія) выполняютъ условіе компромисса между борющимися душевными силами. Эти проявленія всегда приносятъ съ собой немного изъ того удовольствія, которое они предназначены устранить, и служатъ подавленному инстинкту не меньше, чѣмъ подавляющимъ его инстанціямъ. Съ прогрессомъ болѣзни явленія, первоначально скорѣе игравшія роль защиты, все болѣе приближаются къ тѣмъ запрещеннымъ дѣйствіямъ, по-

средствомъ которыхъ инстинктъ долженъ былъ проявляться въ дѣйствѣ.

Приблизительно слѣдующее, сходное съ описаннымъ положеніемъ вещей, можно встрѣтить и въ области религіозной жизни. И развитіе религіи построено на подавленіи инстинкта, на воздержаніи отъ удовлетворенія извѣстныхъ стремленій. Но здѣсь это не такъ, какъ при неврозѣ, исключительно сексуальные компоненты, а эгоистическіе, соціально-вредные инстинкты, которые, впрочемъ, часто не лишены сексуальнаго придатка. Сознаніе вины, какъ слѣдствіе неугасимаго искушенія, тревога ожиданія, какъ страхъ передъ божьимъ судомъ, въ области религіи стали извѣстны раньше, чѣмъ въ области неврововъ. Благодаря-ли примѣшаннымъ сексуальнымъ компонентамъ, вслѣдствіе ли вообще особыхъ свойствъ, присущихъ инстинкту, но и въ религіозной жизни подавленіе инстинкта достигается не въ полной мѣрѣ и не совершенное. Повторное впаденіе въ грѣхъ у религіозныхъ людей встрѣчается даже чаще, чѣмъ у невротиковъ и даетъ основаніе для новаго проявленія религіозности—покаянія; сходное съ этимъ послѣднимъ встрѣчается и при навязчивомъ неврозѣ.

Своеобразный и унижительный характеръ невроза навязчивыхъ состояній мы видимъ въ томъ, что церемоніи касаются мелкихъ поступковъ повседневной жизни и проявляются въ нелѣпыхъ предписаніяхъ и ограниченіяхъ послѣдней. Понять эту странную черту въ построеніи картины болѣзни можно только тогда, когда узнаешь,—на что я впервые указалъ въ анализѣ строенія сна ¹⁾,—что¹ душевными процессами при неврозѣ навязчивыхъ состояній управляетъ механизмъ психическаго замѣщенія. Изъ немногихъ выше-

¹, Die Traumdeutung.